

**Немирович-Данченко Василий
Иванович**

Кулисы

Роман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Кулисы: Роман / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 128 с.

ISBN 978-5-519-98999-2

ISBN 978-5-519-98999-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

вались горы за горами, свѣтлыя черточки озеръ между ними, идилическія долины... И все—и горы, и озера, и долины—точно задумались. Сладкая дрема въ воздухѣ... Внизу, въ ущельѣ, между двумя высокими каменными заборами, едва-едва позванивая, словно шелестя, мелодическими колокольчиками, шли овцы, одна за одной, сплошною бѣлою массою. За каменными заборами громадныя магноліи, отъ которыхъ вѣяло такую полнотою роскошно развившейся жизни! Черная и рѣзкая тѣнь отъ нихъ ложилась кое-гдѣ на матово-серебристыя спины тихаго стада. Но ни движеніе его, ни шелестъ колокольчиковъ не мѣшали сладкой дремѣ ночи все крѣпче и крѣпче окутывать эти горы и долины...

— Ровенна!—звучно крикнулъ Луиджи, показывая на бѣлую массу домовъ, похожихъ на замки, которая на поворотѣ тропинки точно сама надвинулась на путниковъ.

Горная деревня уже спала. Въ черныхъ окнахъ не свѣтился ни одинъ огонекъ. Выстроенные изъ бѣлаго камня дома были облиты волшебнымъ свѣтомъ мѣсяца. На серебряныя стѣны рѣзко легли черныя тѣни; лунный свѣтъ наполнялъ бѣлые переулки, дробился по ступенямъ сбѣгавшихъ внизъ каменныхъ лѣстницъ, тихо скользилъ подъ арки, отнимая у теплаго мрака то змѣи. перекинувашагося черезъ стѣну плюща, то неподвижные бѣлые дворы, посреди которыхъ еще неподвижныѣ казались раскидистые каштаны... Неровное, печальное журчаніе воды. Еще нѣсколько шаговъ, и Нина Борисовна сѣла на ступени какого-то дома. Передъ нею выстланная камнемъ площадь. Свѣтъ прямо бьетъ сюда, оставляя въ сумракѣ тѣсныя, какъ щели, уходящія вверхъ и внизъ улицы, арки воротъ, дома высокіе, какъ башни... Говоръ воды въ фонтанѣ тутъ еще громче. Онъ одинъ звучитъ въ задумчивомъ безмолвіи ночи. Ровенна спитъ.

— Какъ тихо, Сергѣй Федоровичъ... Не сказка-ли это? Помните, когда я была еще маленькая—вы пріѣзжали къ намъ?..

— Еще-бы не помнить!..

— Убѣжимъ мы, бывало, въ нашъ старый садъ, въ бесѣдку... Прижмусь я къ вамъ, а вы и начнете мнѣ

разсказывать... Много разсказывали. И, что страннѣе всего, мнѣ не такъ ваши сказки нравились, какъ го-лось. Я его слушала больше, чѣмъ слова... А уѣдете вы—я тоскую, тоскую. Бывало, дѣваться некуда!

— Хорошее было время!..

Грустное что-то послышалось въ голосъ говорившаго... Онъ и самъ замѣтилъ это и остановился.

Нина Борисовна наклонилась и посмотрѣла ему въ глаза.

— Это что? Сожалѣніе о прошломъ, когда настоящее хорошо такъ?.. Что-жъ, вамъ лучше, если-бы я была дѣвочкой... Я думала, что вы давно уже забыли это.

— Вы сами знаете... забывалъ-ли я васъ,—и Сергѣй Федоровичъ замолчалъ.

— Ну, полно,—и Нина Борисовна взяла его за руку.—Такъ лучше, вы сами знаете—наши дороги разные... Для меня сцена—все... я не пожертвую ею... Наконецъ, мы—слишкомъ друзья... Вернетесь вы на свои заводы, забудете меня. Довольно! Вонъ, и Соломонъ Іосифовичъ идетъ.

Небольшого роста красивый брюнетъ съ сладкими глазами, необыкновенно юркій, подошелъ къ нимъ.

— Ну, и что я вамъ говорилъ!—набросился онъ на Нину Борисовну.

— Что, m-г Мандель?

— Это я васъ убѣдилъ пойти съ нами... Такой ночь у насъ въ Россіи ни за каково деньги не купишь... Я непременно будетъ заказать художникъ нарисовать эту Монте-Бисбинъ и съ вами чтобъ. У себя, въ мой банкъ повѣшу. У меня такой кабинетъ есть, куда я хожу отдыхать. Тамъ всѣхъ артистъ портреты съ цѣлый міръ—и вашъ будетъ. И Монте-Бисбинъ будетъ... Очень поэтической ночь...—Мандель сталъ необыкновенно сладокъ.—Вы господинъ баронъ фонъ-Вельсбергъ знаете?—обратился онъ къ высокому блондину.

— Какъ-же, у меня съ нимъ дѣла по заводу.

— Ну, вотъ, такъ этотъ самый баронъ говоритъ мнѣ: герръ Мандель, вы—очень искусственный человѣкъ.

— Что такое?—улыбнулся блондинъ.

— Искусственный, который любитъ искусствъ... А

это—вы знаете, этотъ любовь за деньги не купишь... Это возрожденно!

— Звѣзды, звѣзды какъ разгорѣлись!—засмотрѣлась Нина Борисовна въ высоту.

Въ недосягаемой глубинѣ, когда луна зашла за громадный копусъ С. Дженерозо, звѣзды точно еще шире открыли свои безсонныя очи. Въ ихъ трепетѣ чувствовалась теплота жизни. Это были не холодныя созвѣздія сѣвера,—здѣсь проникнутый сладкой нѣгой воздухъ и имъ придавалъ что-то странное... Онѣ точно манили къ себѣ, мерцая истомою желаній... Тутъ онѣ, дѣйствительно, были глазами неба. Казалось, онѣ видѣли все: и эту чудную ночь, и этотъ дивный край, раскидывавшійся подъ ними, и не только видѣли, но и любовались ими.

— Зачѣмъ эта ночь молчитъ такъ?—словно самого себя спросилъ Сергѣй Федоровичъ.

— Молчаніе ей къ лицу!..—отозвалась дѣвушка.

— О, нѣтъ,—сентиментально вступился Мандель.—Если-бы сюда на пляцъ военнаго оркестръ...

— Ну?

— И чтобъ военнаго оркестръ игралъ маршъ изъ „Lustiger Krieg“.

Дѣвушка засмѣялась...

— Знаете, Соломонъ Іосифовичъ,—замѣтила она,—лучше-бы вы... Такой ночи нуженъ голосъ человѣка, а не мѣдныя рожки... Это что?

Точно она накликала... Въ неподвижномъ прозрачномъ воздухѣ пронесся полный отваги и силы мотивъ... Кто-то запѣлъ внизу. Голосъ его, будто сквозь трубу, прозвучалъ по узкой каменной улицѣ и, вырвавшись на площадь, привольно разлился по ея простору. Въ такія ночи, среди чуткаго молчанія задумавшейся природы—даже плохіе пѣвцы производятъ глубокое впечатлѣніе... Нина Борисовна всполохнулась. Въ душѣ ея проснулся цѣлый рой знакомыхъ грезъ и волненій, отъ которыхъ когда-то такъ сладко плакалось... Въ такія-же ночи!..

— „Гутеноты“!.. Слышите, Сергѣй Федоровичъ?—она схватила его за руку.—Изъ четвертаго акта.

Тотъ чувствовалъ, какъ ея рука дрожитъ. Артистка проснулась въ дѣвушкѣ. Голосъ пѣвшаго звучалъ все

сильнѣе и увѣреннѣе. Теноръ, казалось, до глубины души былъ потрясенъ мщеніемъ и горемъ.

„На помощь братьямъ—иду вооружить ихъ руку. Близокъ врагъ! Бѣгу!...

A socorrer gli amici, a disvelare
L'orribile complotto, armar lor destre,
E del nemico indegno
A prevenire il barbaro disegno...*)

— Ахъ, какъ хорошо!... какъ хорошо!.. Соломонъ Иосифовичъ, не подиѣвайте. Что это!.. Вотъ еще...

Звуки дивнаго Мейерсеровскаго творенія лились все шире. Живая душа, боровшаяся между любовью и долгомъ, билась въ этомъ мотивѣ. Страстью былъ проникнутъ онъ. Рауль вырывается изъ объятій Валентины. Опасность близка, время летитъ.

„Оставь его скорѣе, несчастная... Тамъ за окномъ, озаренные кровавымъ блескомъ пожаровъ, гибнутъ братья, подъ ножами предателей. Честь зоветъ, онъ долженъ идти... Спасти нельзя — надо умереть съ ними“...

Нина Борисовна выпрямилась. Послѣдній звукъ вдохновеннаго голоса еще носился по каменной площади Ровенны.

— Что вы хотите дѣлать?!.. Нина!

— Идите прочь! — оттолкнула она Сергѣя Федоровича.

И не успѣлъ еще онъ опомниться, какъ въ сонномъ воздухѣ горной ночи полный отчаянія послышался отвѣтъ Валентины.

Нина Борисовна точно вызовъ послала въ сумракъ сползающаго внизъ переулка...

„Если ты выйдешь—тебя умертвятъ... Остерегись, остерегись!..“

„Съ тобою и я умру!“ — умоляюще рыдало сопрано.

„Слушать тебя—преступленіе!“ — отзывался теноръ.

„А я... я не преступна, внимая тебѣ?... Останься, Рауль... Останься... Заклинаю—останься!..“ Въ этомъ словѣ разсвѣтъ, ясное небо въ его звукахъ. О, если счастье сонъ—пусть никогда не наступаетъ пробужде-

*) Слѣду вооружиться на помощь своимъ, на разрушеніе страшнаго заговора, предупредить замыслы и жестокое нападеніе враговъ.

ше. Теперь все ясно. Пусть гибнуть братья — она его любить. Пусть смерть притаилась и ждетъ поразить его въ блаженную минуту — она его любить. Пусть цѣлое море крови заливаешь своими багровыми волнами все, чему еще такъ недавно онъ молился, пусть!.. она его любить!..

Нина Борисовна впиалась во тьму переулка, откуда долженъ былъ появиться ея Рауль...

„Кончено... Часъ пробилъ, небо ждетъ моей смерти... Боже, дай мнѣ силы...“ — приближался голосъ...

— Да это — Барскій... — удивленно замѣтилъ Соломонъ Іосифовичъ.

Въ переулкѣ показался блѣдный отъ луннаго свѣта и возбужденія брюнетъ. Пряди черныхъ волосъ падали назадъ... Въ рукахъ онъ держалъ шляпу... Рванулся впередъ и остановился разомъ.

— Мандель... Валентина... Мандель, ты какъ попалъ сюда?

— Сначала давай себя представлять... Александръ Петровичъ Барскій... первый теноръ нашего театръ.

Нина Борисовна сейчасъ-же узнала его. Еще передъ отъѣздомъ въ Миланъ, гдѣ училась пѣть, она ни разу не пропускала спектакля, въ которомъ участвовалъ Барскій... „Такъ вотъ онъ — ея Рауль... И какъ близко!“ Слушая его когда-то, она рѣшилась, во что-бы то ни стало, идти на сцену... онъ первый разбудилъ въ ней артистку... И какъ нарочно теперь здѣсь... среди этой задумчивой ночи, подъ этими чудными звѣздами итальянскаго неба.

— Нина Борисовна Раевская!.. Будущій планетъ!.. — продолжалъ Мандель.

— Звѣзда, а не планета! — улыбнулся артистъ.

Раевская опомнилась. Она еще не подала до сихъ поръ руки Барскому. Порывисто протянула она ее и крѣпко пожала, глядя прямо въ лицо ему и точно думая „такъ вотъ ты какой“. Ея радостное волненіе не ускользнуло отъ опытнаго пѣвца.

— Да съ такимъ голосомъ, какъ у васъ, можно быть солнцемъ!... — чуть слышно проговорилъ онъ.

Нина вспыхнула. Похвала отъ него!.. По нервности, съ какою онъ сказалъ это, она поняла, что тутъ не одна любезность.

— Сергѣй Федоровичъ Кашинцевъ! — представила она своего спутника, чтобы скрыть охватившее ее волненіе. — Сергѣй Федоровичъ — мой хорошій другъ... Въ дѣтствѣ... „Господи, зачѣмъ я это!“ — мелькнуло у нея въ головѣ

— Капиталистъ, заводчикъ... — началъ было Мандель, но Барскій не далъ ему кончить.

— Ты зачѣмъ здѣсь? А кто-же у тебя въ банкирской конторѣ сидитъ, деньги считаетъ?

— Ну, ты всегда... Мы теперь здѣсь звѣзды считать должны...

— Видишь, Мандель, ты вѣчно что-нибудь да считаешь.

— Вы на Бисбино тоже? — обратился къ нему Кашинцевъ. Очень не понравился ему этотъ красивый, а съ перваго слова такой развязный спутникъ. „Слишкомъ уже театраленъ“, — всматривался онъ въ его приемы. „Все расчитано... Самъ что-нибудь скажетъ — и незамѣтно на Нину посмотритъ!.. А тебѣ что?“ — поймалъ себя на этой мысли Сергѣй Федоровичъ. — „Тебѣ сказано, что ты — другъ и ничего болѣе. Скверное амплуа — дружба. На другое не перейдешь. И какъ онъ смѣетъ смотрѣть на нее такъ!“ — волновался Кашинцевъ опять. — „Точно она — его уже. Что за нахальство!..“

Было отчего злиться. Барскій не сводилъ взгляда съ Нины Борисовны, говоря съ нею. Казалось, онъ хотѣлъ ее держать подъ магнетическимъ вліяніемъ своихъ глазъ. Онъ ее ласкалъ ими, въ то время, какъ голосъ его, еще не успокоившійся отъ импровизированнаго дуэта, точно вздрагивалъ отъ чего-то, съ чѣмъ онъ и самъ совладать не могъ, что у него творилось въ сердцѣ. „Моя будетъ“, — думалъ онъ про себя.

— Вы надолго въ Италію? — спросилъ онъ ее.

— Нѣтъ... я уже кончила въ Миланѣ. Теперь возвращаюсь въ Россію.

— На сцену?.. Разумѣется, на сцену...

„Только поступи!..“ — мелькнуло у него въ головѣ.

— Если удастся... Я слышала, это очень трудно...

— Вотъ еще!.. позвольте мнѣ... Я устрою. Если вамъ не дадутъ дебюта, вы поете въ мой бенефисъ. Согласны?.. Я настою. Нельзя скрывать такой чудный голосъ...

Она протянула руку. Кашинцева обдало холодомъ.

II.

Монте Бисбино.

До вершины горы было уже недалеко.

Нина Борисовна очень устала и съ удовольствіемъ приняла руку Барскаго.

Мандель и Кашинцевъ шли позади... Луиджи со своимъ осломъ уже взбирался на конусъ, которымъ заканчивалось Бисбино. На самой вершинѣ его—старинный, оставленный монастырь... Ушедшая за гору и спрятавшаяся въ тучу луна бросала на него съ той стороны красный отблескъ. Черный наэтомъ зловѣщемъ фонѣ стоялъ онъ, точно нахмурившись.

— Какъ смотреть негостепріимно!—проговорилъ Барскій, глядя на него и поддерживая Раевскую.—Сильнѣе опирайтесь. Тутъ круто!..

Багровое сіяніе погасающей луны легло на скалы окрестныхъ горъ, скользнуло въ туманъ, наполнявшій ущелья. Лишь только усталые путники добрались до вершины горы, мѣсяцъ уже отгорѣлъ. Былъ тотъ торжественный часъ, когда, набрасывая на себя свѣтлую лазурную ризу, природа готовится встрѣтить медленно приближающееся солнце. Дивныя дали раскидывались кругомъ. Вся Швейцарія на сѣверъ и на западъ точно дремала еще въ предразсвѣтной прохладѣ. Прямо возносились бѣлыя и блѣдныя массы Монте-Розы. Вѣчные льды серебрились на ея откосахъ. Рѣдкія очертанія вершинъ выдѣлялись и теперь изъ таинственнаго сумрака, точно передъ ними была уже безсильна умирающая тьма. Направо падающіе конусы и иглы Бернскихъ Альпъ пугали воображеніе своими причудливыми формами. Точно бѣлые шатры въ пустынь неба мерещились они... А дальше!.. Вонъ грозный Монсенисъ, вонъ едва-едва чудится Симплонъ, и только чувствуется пока царственная громада Монблана. Въ безконечномъ могуществѣ, въ божественномъ величій своемъ все болѣе и болѣе выступали вѣнчанныя снѣговыми коронами вершины, по мѣрѣ того, какъ ночь, кутаясь въ свой сумракъ, убѣгала на западъ. Звѣзды гасли, небо, казалось, блѣднѣло отъ волненія, встрѣчая день, уже рождавшійся за тѣми, вонъ, горами, которыя, озаренныя съ востока, иззади являлись, болѣе высокія, сплошными

массами опала, ниже ихъ—громадами лапнѣ-лазури. И эта лазурь, и эти опалы свѣтились точно изнутри теплымъ трепетавшимъ блескомъ. Еще нѣсколько минутъ назадъ вершины казались рядами мертвыхъ лицъ. Теперь румянецъ жизни и пробужденія скользнулъ по конусамъ Бернскихъ альпъ, кровью разлился по бѣлоспѣжному дѣвственному челу Монте-Розы. Безчисленные вершины выступили вдругъ тамъ, гдѣ, казалось, ничего не было, кромѣ холодного простора и сумрака. И всѣ, точно алтари, зажглись золотомъ и багрянцемъ небеснаго огня. Казалось, что вся эта природа, всѣ эти горы—лицо пробудившагося невидимаго бога, и бѣгутъ по этому лицу, постоянно мѣняясь, все болѣе и болѣе озаренные, все болѣе и болѣе жизненные оттѣнки. Этотъ богъ радостно улыбался своему солнцу. Востокъ уже весь былъ затопленъ золотомъ. Сквозь это золото изъ ущелій подымается розовый паръ. На этомъ золотѣ еще ярче изнутри свѣтятся лапнѣ-лазуревыя горы. Тамъ, гдѣ прежде было одно темное море, на которомъ грандіозными островами плавали отдѣльные вершины—теперь выдвинулись темно-коричневыя массы кряжей, хребтовъ, цѣпей, тяжело переваливавшихся однѣ черезъ другія, сталкивавшихся и разбѣгавшихся, связывавшихся въ безконечные узлы. И надъ всѣмъ этимъ горѣли вѣчные ледники недосягаемыхъ твердынь. Съ дивной быстротой мѣнялись цвѣта и тѣни.

— Какъ хорошо! Боже, какъ хорошо!..

Нина Борисовна забыла даже оставить руку Барскаго и совершенно безсознательно пожимала ее.

— На югъ... на югъ посмотрите...

Вся Ломбардія уже была затоплена солнечнымъ свѣтомъ. Направо голубѣлъ клочекъ Луганскаго озера. Вотъ изумрудное Лаго-Маджіоре... Вотъ Комское—совсѣмъ близко, какъ щитъ, сверкающій подъ солнцемъ... Точно выточенный изъ одного куска мрамора городъ Комо... А дальше сотни городовъ, селъ, замковъ... Каждый блеснетъ и опять померкнетъ на этой равнинѣ... На самомъ горизонтѣ далеко-далеко обложили ее идилическія Апеннины. Счастливая Ломбардія, точно похолодѣвъ за ночь, жадно расправляетъ въ солнечномъ блескѣ свои еще полныя сна и дремы рощи, долины и рѣки. Пьютъ тепло и свѣтъ безчисленные горы, дышутъ

ими уже сбросившія ночной туманъ ущелья. Вся природа, въ полнотѣ жизни и здоровья, горя румянцемъ своего пробуждающагося тѣла, подставляетъ его жаркимъ поцѣлуямъ солнца. И оно жадно, страстно, какъ вернувшійся любовникъ, цѣлуетъ землю. Цѣлуетъ каждую мягко округленную выпуклость холма, цѣлуетъ кудри рощъ и лѣсовъ, словно осязая, медленно скользить золотыми лучами по равнинѣ.

— Вонъ тамъ точно море подступило къ Апеннинамъ... Посмотрите, какой голубой воздушный фонъ.

— Это Миланъ виденъ отсюда?—прервала Барскаго Нина Борисовна.

— Да...

— Точно бѣлое пятно... Въ бинокль даже мраморное кружево собора различишь.

Кашинцевъ улыбнулся. Улыбнулся и пѣвецъ.

— Что вы смѣетесь?

— Это такъ кажется возбужденному взгляду...

— Какъ хорошо, какъ хорошо!..—Ей, радостной и счастливой, въ виду этого чуднаго утра, хотѣлось, чтобы всѣ кругомъ были рады и счастливы.—Мандель, посмотрите-же...

— Да... точно картина!.. совсѣмъ какъ-будто парисована. Такой картины не купишь.

— Господь Богъ не торгуетъ своими картинами!—замѣтилъ ему Кашинцевъ.

— Я ничего подобнаго не знаю!..—задумчиво уронилъ Барскій.

— Что вы такъ смотрите на меня?—обернулась къ нему Раевская.

— Вы сами не знаете, какъ вамъ идетъ этотъ блескъ, это солнце!—скорѣе прошепталъ, чѣмъ проговорилъ онъ.

Нина Борисовна вспыхнула. Она была дивно хороша въ эту минуту... Шляпу она сняла, и непокорные волнистые волосы, золотою солнечною волною падали съ ея гордой головки. Напрасно она ихъ связывала узломъ—волосы не слушались, и узелъ, полураспустившійся, едва держался... Изъ-подъ темныхъ бровей крупные сѣрые глаза глядѣли на все съ такимъ выраженіемъ счастья, что не солнцемъ, а ими, казалось, озарено это лицо съ румяными губами, изящными, нѣсколько за-

горѣвшими щеками, подѣ которыми такъ и переливалась кровь. Тонкія, какъ-будто сквозныя, поздри слегка вздрагивали. Порода сказывалась въ каждой чертѣ ея. Идеально очерченная шея законченною линіей переходила въ высокую грудь. Тонкій станъ и округленные плечи, маленькая нервная рука—все, на что ни смотрѣлъ Барскій, дышало изяществомъ, силой... Она была высока для женщины, чуть-чуть пониже его, но это не портило Раевской, благодаря ея удивительной стройности. Все въ ней дышало полнотою жизни, какъ въ южныхъ розахъ, только что распустившихся, но уже затопившихъ воздухъ своимъ благоуханіемъ. Она была такъ охвачена тепломъ, свѣтомъ, жаждой еще невѣдомыхъ ей ощущеній, что влажный блескъ подернулъ ея глаза; придавъ имъ выраженіе нѣги и страсти.

— Воздуху много, а точно дышать нечѣмъ...— наивно призналась она, подымая взглядъ на Барскаго.

— Что это вышъ Кашинцевъ такъ мраченъ?..

— Да?—очнулась она. И вдругъ ей стало стыдно. Она вырвала руку у Барскаго.—Сергѣй Федоровичъ, подите ко мнѣ. У, хмурый какой! Бука...

Она прижалась къ нему, какъ въ далекомъ дѣтствѣ, когда въ темнотѣ и безмолвіи садовой бесѣдки онъ рассказывалъ ей одну за другою фантастическія сказки...

— Настоящій бука и... и невѣжа!—неожиданно закончила она и ни съ того, ни съ сего обидѣлась.

— Это я—невѣжа?

— А кто-же?.. давайте вашу руку... Ну, что вы такой?.. Туча-тучей!

— Вы любя тучи разгоните, Нина...—улыбнулся онъ.

— Вотъ это хорошо, по-старому Ниной назвали... Теперь я прощаю.

Кашинцевъ съ безконечною нѣжностью смотрѣлъ на нее... Онъ былъ очень красивъ по-своему. Одно изъ тѣхъ русскихъ лицъ, которыя, загорѣвъ, кажутся гораздо темнѣе бороды и усовъ. Свѣтлые голубые глаза ясно глядѣли на каждого. Въ очертаніи рта, въ прямой линіи бровей и морщинѣхъ поперекъ высокаго лба сказывалась упорная воля. Онъ отвелъ дѣвушку отъ Барскаго и съ горечью замѣтилъ взглядъ сожалѣнія, который она бросила на артиста.